

БЕЗЫМЯННЫЕ СИМВОЛЫ ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1812 ГОДА: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

В силу геополитического положения территория современной Беларуси на протяжении своей тысячелетней истории неоднократно становилась ареной кровопролитных конфликтов между европейскими государствами. Не отвечая национальным интересам, данные конфликты и связанные с ними события, тем не менее, становились частью белорусской истории. К числу наиболее известных из них относится франко-русская война 1812 года. До настоящего времени ее отдельные аспекты являются спорными и недостаточно изученными, в частности судьба символов воинской чести французской армии, утраченных в ходе отступления из Москвы. В наполеоновской империи они имели официальное название «орлы».

История «орла» как государственного геральдического символа берет свое начало с мая 1804 г., вскоре после провозглашения Наполеона императоромⁱ. За образец было взято скульптурное изображение орла времен Римской империи, равно как и практика его использования в войсках. Согласно ей, он должен был всегда находиться при ставке главнокомандующего. Ниже фигуры орла на древке располагалось шелковое знамя, которому придавалось второстепенное значение. Как отмечал английский историк Э. Фрейзер: «Орел, и только Орел являлся предметом солдатской преданности»ⁱⁱ.

Стремясь подчеркнуть значимость нового символа империи, Наполеон проводит специальную церемонию вручения «орлов» полкам и батальонам своей армии, после которой они стали символом преданности императору и беззаветного служения трону. Ей предшествовала клятва солдат и офицеров не щадить своих жизней для защиты «орлов»ⁱⁱⁱ. На цоколе пьедестала наверху орла прикреплялись цифры, обозначающие номер полка.

Впоследствии Наполеон не раз напоминал солдатам об этой клятве, подчеркивая, что она воплощается в «орлах». Так, в обращении к 4-му полку линейной пехоты после сражения при Аустерлице он сказал: «Солдат, утративший Орла, вместе с ним лишается чести, а значит, теряет свое Я». В 1807 г. были опубликованы следующие слова императора: «Утрата Орла наносит такой ущерб репутации полка, который не в силах загладить ни победы, ни слава, добытые в сотнях сражений!»^{iv}.

В ходе военной кампании 1812 года французские полки Великой армии утратили часть своих «орлов». В зарубежной историографии до настоящего времени вопрос об их точном количестве и полковой принадлежности является дискуссионным. Остроту разногласий усиливает отсутствие единого подхода в вопросе о том, в каком виде тот или иной «орел» стал трофеем русских войск. Так, французский историк О. Холландер исходил из того, что все они были представлены полным комплектом своих основных элементов: наверху в форме орла, полотнища знамени или штандарта, древком и атласной лентой с золотыми кистями^v. Правда, он также упоминает о наличии среди трофейных символов воинской чести французской армии, хранившихся в начале XX в. в Казанском соборе Санкт-Петербурга, «трех наверху в форме орла», но не указывает их полковую принадлежность^{vi}.

Очевидно, про них же вел речь его коллега генерал французской армии С. А. Андоленко (русский по происхождению), говоря, что в Москве, на выставке, приуроченной к 100-летию Отечественной войны 1812 года, были представлены «три "орла" неизвестных полков, один из которых был найден на Бородинском поле». По его предположению, два из них могли принадлежать 106-му полку линейной пехоты и 4-му легкоконному полку. Трудности идентификации были обусловлены тем, что упомянутые символы воинской чести оказались представлены только наверху в виде орлов^{vii}.

Еще один французский военный историк генерал Ж. Рено, признавая наличие среди русских трофеев трех наверху-орлов, предположительно определил их как элементы символов воинской чести 18-го, 35-го полков линейной пехоты и 4-го полка конных егерей^{viii}.

Расхождение версий О. Холландера, С. А. Андоленко и Ж. Рено о полковой принадлежности трех символов воинской чести французской армии могло быть вызвано только отсутствием на цоколе их наверху цифр, обозначающих номера полков. Какие

причины лежали в основе данного явления, представители зарубежной историографии не объясняют, очевидно, считая его малозначительным эпизодом на фоне грандиозных событий военной кампании 1812 года.

Такой подход нельзя признать оправданным, поскольку речь идет не только о символах воинской чести, но и государственных символах наполеоновской империи, в настоящее время являющихся национальными реликвиями Франции. Особую важность исследование данной проблемы представляет для белорусской историографии, поскольку судьба «орлов» непосредственно связана с заключительным этапом отступления Великой армии, проходившим непосредственно по территории современной Республики Беларусь. Доказательством тому служит случайное обнаружение в 1963 г. в ручье деревни Лошница навершия-орла одного из полков французской армии. Его номер был сбит с цоколя, поэтому оно, как и упоминаемые в зарубежной историографии три навершия-орла, также относится к категории «безымянных».

Хранившийся в музее г. Борисова этот артефакт до середины 90-х годов XX в. не привлекал внимания ученых. Первым его исследователем стал научный сотрудник музея В. Н. Рахович. Основное внимание им было уделено выяснению номера полка, которому принадлежало навершие. Поставленная задача достигалась посредством анализа расположения технологических отверстий, посредством которых к пьедесталу крепились накладные цифры, обозначавшие его номер. Используя специально разработанные шаблоны цифр, В. Н. Рахович пришел к заключению, что он состоял из одной цифры, предположительно «1», «2» или «4»^{ix}.

Безымянное навершие-орел из музея г. Борисова является единственной достоверной находкой подобного рода, сделанной после окончания военной кампании 1812 года. Специалист по вопросам истории знамен и «орлов» наполеоновской эпохи, французский историк Пьер Шаррье не мог обойти вниманием этот факт и посвятил его осмыслению статью, опубликованную в журнале «Музей армии». По мнению Шаррье, данное навершие относится к модели 1804 г. и его подлинность доказывается метками литейщика в виде римских цифр, треугольников и крестов.

Анализ расположения технологических отверстий, через которые накладные цифры крепились к подставке-пьедесталу, не позволили Пьеру Шаррье вернуть безымянному навершию-орлу его номер. По мнению исследователя, нельзя даже определенно сказать, был ли этот номер одно- или двужначным.

Так, исходя из большого количества разных по диаметру отверстий в пьедестале навершия, П. Шаррье высказал предположение, что его использовали по крайней мере дважды. Иначе говоря, это навершие-орел использовалось поочередно двумя разными полками французской армии. Накануне русской кампании были учреждены «орлы» новой модели, отличавшиеся от предыдущей изображением государственных символов империи и номеров полков на полотнищах знамен и штандартов. Из экономии к ним присоединялись навершия-орлы модели 1804 г. В их числе могли быть уже ранее использовавшиеся, что и объясняет наличие на их пьедестале многочисленных отверстий^x.

Согласно гипотезе П. Шаррье, хранящееся в музее г. Борисова безымянное навершие-орел должно принадлежать 29-му полку легкой пехоты из 12-й дивизии дивизионного генерала Партуно, полностью уничтоженной в сражении при Старо-Борисове.

В поисках ответа на вопрос о том, как безымянное навершие-орел могло оказаться в ручье, протекающем через деревню Лошница, т.е. на расстоянии одного перехода до р. Березины, П. Шаррье предполагает возможным два варианта развития событий. Согласно первому из них, уцелевшие в сражении при переправе через Березину орлоносцы 29-го полка легкой пехоты в попытке вырваться из окружения могли повернуть на восток, т.е. вернуться в деревню Лошница, и уже там из-за безвыходности положения бросить в ручей своего полкового «орла».

Второй вариант предполагает принадлежность безымянного навершия-орла полку другого корпуса, из числа тех, которые отступали через деревню Лошница. Его отставшая группа знаменосцев попала в окружение и вынуждена была бросить «орла» в ручей. Этот вариант сам П. Шаррье считает маловероятным, поскольку признает, что в ходе отступления «орлы» оставались только в полках, сохранявших необходимое количество боеспособных солдат^{xi}.

Свою версию, объясняющую, каким образом безымянное навершие-орел из экспозиции

музея г. Борисова могло оказаться в ручье деревни Лошница, высказал и президент научно-исторического общества «Центр наполеоновских исследований» профессор Фернан Бо-кур. Именно он «открыл» в 1994 г. этого «орла» для научной общественности Западной Европы. По мнению профессора Бокура, его бросил в ручей орлохранитель «одного из беспорядочно отступающих полков из арьергарда, понимая, что не сможет догнать армию и рискует попасть в плен»^{xii}.

Реконструкция судьбы безымянных наверхий-орлов французской армии возможна только на основании новых архивных документов. К их числу относится «Реестр всех знамен, захваченных в 1812-1814 гг.».

Его материалы подтверждают достоверность ранее опубликованных в зарубежной историографии сведений о наличии среди русских трофеев двух наверхий-орлов, у которых «на коробке цифры сбиты»^{xiii}. Очевидно, об одном из них идет речь как «орле, отбитом у неприятеля, к которому следовало приделать древку», накануне внесения в 1813 г. в Казанский собор^{xiv}. Безымянность данного наверхия-орла, т. е. отсутствие указания о его принадлежности к конкретному полку, может быть объяснена только отсутствием соответствующего номера на его пьедестале.

Второе безымянное наверхие-орел было передано в Санкт-Петербург в апреле 1814 г. Его захватили солдаты 5-го Башкирского полка «17 ноября 1812 года при переправе неприятеля через реку Березину под селением Студенкою»^{xv}. Никакого объяснения столь длительному сроку хранения этого наверхия-орла в полку в сопроводительном рапорте не содержится. Скорее всего, оно в числе прочих трофеев совершило долгое путешествие в место дислокации полка, где и было определено, что это не изящная бронзовая скульптура, а безымянное наверхие знамени одного из полков французской армии периода военной кампании 1812 года. Тот факт, что его сразу же отправили в Санкт-Петербург, только подчеркивает значимость подобных трофеев, не зависящую от времени, прошедшего после их захвата.

Третьим безымянным наверхием был «французский золоченый орел», обозначенный в реестре под номером 19^{xvi}. То обстоятельство, что предыдущие два безымянных наверхия имели порядковые номера 17 и 18, свидетельствует в пользу того, что для составителей реестра они имели общий отличительный признак - отсутствие номера полка на цоколе.

Безымянным наверхие - самый ценный элемент «орла» - могло стать вследствие только чрезвычайных обстоятельств, а именно угрозы его захвата неприятелем. Только сбив с цоколя наверхия номер полка, орлоносец мог уберечься от бесчестия его утраты. Тот факт, что при этом сами наверхия-орлы не уничтожались, а прятались, свидетельствует о том, что для подобных действий у орлоносцев не было либо времени, либо сил. Исходя из данных допущений, можно провести реконструкцию судьбы безымянных символов воинской чести французской армии, ставших в военной кампании 1812 года трофеями русских войск.

В сражении при Старо-Борисове в окружение попала 12-я пехотная дивизия французской армии. После ожесточенного сопротивления ее уцелевшие солдаты во главе с дивизионным генералом Партуно сдались в плен. Среди почетных трофеев русских войск, т. е. захваченных непосредственно на поле боя, оказалось только полотнище знамени 126-го полка линейной пехоты из состава данной дивизии^{xvii}. В июле 1813 г. стало известно, что полотнище знамени ее 44-го полка линейной пехоты было «найдено в ноябре в Минской губернии купцом Шмуйлою Даниловичем при трупке одного француза»^{xviii}. Обращает на себя внимание тот факт, что в документах речь идет только о полотнищах знамен, а наверхия-орлы данных полков в числе трофеев не упоминаются. Остается предположить, что орлоносцы успели сбить номера полков с пьедесталов наверхий, и уже в таком виде они были захвачены русскими войсками или найдены ими на поле боя после его окончания. В пользу данной версии говорит участие в сражении на р. Березине 5-го Башкирского полка, трофеем которого и стало одно из безымянных наверхий. Точно таким же образом оставшиеся два безымянных наверхия предположительно могли принадлежать 125-му и 126-му полкам линейной пехоты из состава 12-й дивизии французской армии, разгромленной под Старо-Борисовым.

Обстоятельства, при которых в ручье деревни Лошница оказалось наверхие-орел одного из полков французской армии, могли быть обусловлены только полным истощением сил орлоносца. На участке отступления Великой армии от местечка Красный до деревни

Лошница в историографии не зафиксировано ни одного сражения, в котором какой-либо полк французской армии попал в окружение. Следовательно, спрятать навершие в ручье д. Лошница орлоносца могло вынудить только полное истощение сил. Не имея возможности далее обеспечить надежную сохранность доверенного ему «орла», он, перед тем как утопить навершие, сбил с цоколя цифры, обозначавшие его номер.

Выводы

«Орлы» являлись не только символами воинской чести французской армии, но и новыми государственными символами наполеоновской империи.

Для предотвращения позора из-за утраты «орла» в критической ситуации орлоносцы использовали радикальный способ - сбивали цифры, обозначавшие номер полка с цоколя навершия.

Превращение «орлов» конкретных полков французской армии в безымянные свидетельствует о стремлении орлохранителей остаться верными воинской присяге. С другой стороны, феномен безымянных наверший-орлов является убедительным доказательством поражения в военной кампании 1812 года сильнейшей в мире армии, доведенной просчетами ее командования и действиями русских войск до полной деморализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Regnault J.* Les Aigles Imperiales et le drapeau tricolore, 1804-1815. P.: J. Peyronnet, 1967. P. 1.

ⁱⁱ *Fraser E.* The war drama of the Eagles. L.: John Murray, 1912. P. 12.

ⁱⁱⁱ *Ibid.* P. 46.

^{iv} *Ibid.* Титульный лист.

^v *Hollander O.* Les drapeau et etendards de 1812 à 1815. P.: Nancy, 1902. P. 109-113, 117-120.

^{vi} *Ibid.* С. 120.

^{vii} *Андоленко С.А.* Знамена Великой армии, отбитые в 1812 году // Военная быль. 1962. № 56. С. 28.

^{viii} *Regnault J.* *Op. cit.* P. 282.

^{ix} *Рахович В.Н.* Французский орел из Борисовского музея // Бородино и наполеоновские войны: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 9-11 сент. 2002. М., 2003. С. 444.

^x *Chairrie P.* Commentaires sur l'Aigle de Borisov: une hypothese sur le regiment d'appartenance // Musée de l'Armée. 1996. № 111. P. 44.

^{xi} *Ibid.* P. 46.

^{xii} *Beaucour F.* L'aigle du use de Borisov // Musée de l'Armée. 1996. № 111. P. 42.

^{xiii} Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Дело о пересылке трофеев в Петербург. Л. 111.

^{xiv} Там же. Л. 69.

^{xv} Там же. Л. 98.

^{xvi} Там же. Л. 111.

^{xvii} Материалы ВУА. СПб.: Тип. «Бережливость», 1912. Т. XX. С. 260.

^{xviii} ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 134. Л. 45.